

Олег МАСЛОВ

член Союза писателей России

От редакции: Сегодня на страницах нашего альманаха мы с радостью представляем новые стихи Олега Константиновича Маслова – известного и любимого многими поэта, ныне живущего, увы, далеко за пределами родного города и даже страны. Это обстоятельство заставило его взглянуть на многие вещи по-другому, ещё раз задуматься над, казалось бы, давно решёнными вопросами, обратиться к темам, которые раньше не попадали в поле его поэтических интересов. Название цикла – «На земле обетованной» – говорит само за себя. Вошедшие в него стихи – о вере, о Боге, о сложности и извилистости человеческого пути к Богу. Они – плод серьёзных и грустных размышлений поэта, всегда честного перед самим собой и читателем и в преклонном возрасте открытого для глубоких духовных переживаний и сдвигов. Так было, есть и будет всегда: поэт неустанно открывает мир и себя – читатель открывает поэта, а через него – и себя, и мир.

Лирический цикл

НА ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ

1

День земли обетованной
Спозаранку хмур опять:
Небо – в тучах, даль – в тумане...
Может, зонт в дорогу взять?

Не впадай наивно в небыль
И не майся дурью зря –
Не прольёт ни капли небо
Здесь с весны до октября.

Но откуда же повсюду –
Пальмы, рощи, трав наряд?!
Вот что могут сделать люди,
Если очень захотят.

2

И по годам давно не молод,
И жив не хлебом лишь одним,
А въехал как в обычный город
В священный Иерусалим.

Конечно, было осознание,
Чем эта встреча хороша,
Но ни восторга, ни страданья
Так и не выдала душа.

Да и откуда взяться вере
В какой-то праведный Завет
В душе подростка-пионера
И коммуниста зрелых лет?

Религиозные химеры
Замещены исходно в ней
Иной, безбожной, были верой
В земное счастье всех людей.

Мы шли по жизни вместе с нею,
Себя в походах не щадя,
И счастлив тот, кто за идею
Жизнь отдал с именем вождя.

Но жалок тот, кому осталась
От всех несбывшихся надежд
Одна душевная усталость
Да хлам изношенных одежд,

Кто разуверился при жизни
И в идеалах, и в вождях,
И не сберёт своей Отчизны,
И сам остался на бобах.

Вникаю в храмовые сферы,
Но как святыни ни зови,
А все причастия без веры –
Что поцелуи без любви.

Стою перед Стеною Плача,
Смотрю на страждущий народ
И тем завидую, кто алчет
И от души поклоны бьёт.

Нет ничего на белом свете,
Чему бы я молиться мог...
И как избыть неверье это,
Наверно, знает только Бог.

3

Иерусалим – город трех религий*

Скажи мне, ветка Палестины...

М.Ю. Лермонтов

Путём земного бездорожья,
Духовной жаждою гоним,
Подался род людской к подножью
Оазиса единобожья –
Нагорный Ерушалаим.

Предтечей настоящей веры
Пришла прозрения пора,

* Религия (лат.) – возврат связи.

Что аполлоны и веныры –
Всего лишь детская игра,

Что Бог один на белом свете,
И, как его ни назови,
Мы все его родные дети,
Творения его любви.

А коли так – навек и сразу
Божкам и распрям их конец,
Ведь не для войн дал людям разум
И породнил нас всех Творец.

Казалось, вот оно спасенье
От самых страшных в жизни бед...
А жертвам самоистребленья
И по сегодня счёта нет.

Хоть все священнейшие книги
Внушают нам, что Бог – любовь,
Но вместо связи всех религий –
Раскол, насилие и кровь.

Неугасим враждебный пламень,
Не оттого ль в закатный час
Ерусалимский белый камень
Имеет огненный окрас?

Военный Молох жертвы множит
Из века в век, из года в год...
Когда же за единобожеством
Единоверие придёт?

Когда же муллы и раввины
Нас призовут на братский пир?
Скажи мне, ветка Палестины,
Когда настанет в мире мир?

4

Рождённый в Благовещенске, стою
В день Рождества у храма в Назарете,
Где Гавриил Марии на рассвете
Принёс с небес Благоую Весть свою.

Она сбылась. Отринь завесу лет,
И там, где ты застыл, благоговей,
Увидишь и пещерный Назарет,
И отрока в семействе Иудея.

Покуда отрок-сын, но, возмужав,
Он возбудит святое в человеке
И, на Голгофе смертью смерть поправ,
Восславит Жизнь спасённую вовеки.

А верные апостолы его
И все единоверцев поколенья
Провозгласят святое Рождество
Днём своего духовного рожденья.

И пусть земная участь не нова,
А грех и зло меняют лишь одежды,
Но Новый год начнётся с торжества
Любви и дружбы, веры и надежды.

Благословен и вечен Вести свет,
Что нам от Бога предками завещан,
Тому порукой – древний Назарет
И на Амуре юный Благовещенск.

5

Далеко, далеко, далеко
От милой российской земли
Раскинулось море широко
И волны бушуют вдали.

Не знаю за что, но Всевышний
Судьбу мне такую предрёк –
Сменить нынче Дальний на Ближний
Морями омытый Восток.

На взморье на солнечном пляже,
Тела покидав на песок,
Блаженствуют граждане, я же
Под пальмой сию одиночек.

И берег покинуть не смея,
За водный гляжу горизонт,
Туда, где ладья Одиссея
Под парусом белым плывёт,

Откуда античная эра
С грядущей скрепляет родство
Гекзаметром мерным Гомера
И страстную песней Сапфо.

И радость земную, и горе
Впитавшее в соль и гранит,
Шумит Средиземное море
И память о прошлом хранит.

Эллада в веках не забыта,
По ней я тоскую, любя...
Явись из волны, Афродита,
Мне так не хватает тебя.

6

Он не страшился в жизни ничего,
Любую боль сносил, не дрогнув веком,
Но даже застонал, когда его
Назвал безумец добрым человеком.

Он золото ценил и серебро,
Ещё дороже – силу, власть и славу,
Чтил род, но первородное добро
Претило прокураторскому нраву.

Он с юных лет в глухой тайник души
Замуровал его, чтоб не мешало
Крушить врагов, и подвиги вершить,
И властвовать во что бы то ни стало.

Но вот явился тот, чей зоркий взгляд
В нём разглядел такое, что могло бы
Переиначить жизненный уклад,
Избавив душу от вражды и злобы.

Неужто он, владыка этих мест,
Поддастся смуте пришлого бродяги?!
И приговор: философа – на крест,
В забвенье – бредни о добре и благе.

Вершитель судеб, баловень небес,
Как вздрогнул он, от страха цепенея,
Узнав, что убиенный им воскрес
И обессмертил своего злодея.

Молва о чуде верой проросла,
Крестом увековечено распятье,
И всякий час распятому хвала
Звучит ему, распявшему, проклятьем.

Тогда, послав невинного на смерть,
Не ведал он, что сам себя осудит
На вечное желанье умереть.
Но смерти нет, и никогда не будет.

Навек по обе стороны креста
Добра и зла живая плоть распята.
Воистину ужасна смерть Христа,
Ещё страшней – бессмертие Пилата.

7

Огромный, моторный, крылатый,
Жестокий и кровно родной,
Закончился век мой, двадцатый,
И властно позвал за собой.

Но, хоть по судьбе и готовый
Уйти с ним на вечный покой,
Не внял я фатальному зову,
Ступил за рубеж вековой.

И мир, что моим был доньше,
Остался за этой чертой,
А я очутился в пустыне,
Сльвущей святою землёй.

Здесь издревле в разные сроки
Палимые солнцем одним
Влачили мессии, пророки
К заветным святыням своим.

По ней же, их путь воскрешая, –
На то и священна она –

К вратам своих ада и рая
Шли люди во все времена.

А ныне безлюдна равнина,
Здесь кто-то – лютей не найти –
Расставил пехотные мины
У пеших мирян на пути.

И данная людям от Бога,
Последняя в жизни земной
Ведущая к миру дорога
Военною стала тропой.

Предаться бессильному плачу?
В счастливую ль верить звезду?
И я – каждый шаг на удачу –
По минному полю иду.

Иду по наитью, не зная,
К подножью какой из высот –
Голгофы, Сиона, Синая –
Рисковый мой путь приведёт.

Но верю: судьбою хранимый,
Я вырвусь из вражьи тенет
И верной стезёй пилигрима
Взойду на земной эшафот.

Душой воспарить на просторе
И бросить прощальный свой взгляд
На небо, на землю, на море,
На солнечный мирный закат.

8

Вот такие в жизни перемены:
Отсчитав полсотни трудовых,
Я отныне здравствую в две смены
Без отгулов и без выходных.

Каждый день влечёт к себе с рассвета
Заграничной жизни новизна –
Краски субтропического лета,
Средиземноморская волна,

Пальмы, эвкалипты, кипарисы,
Зелень трав, голубизна небес...
Будто наподобие Алисы
Я и впрямь попал в страну чудес.

Вся страна – объехать суток хватит, –
Но контрасты – оторопь берёт:
На Хермоне снежно, а в Эйлате
Африканским жаром обдаёт.

Люди – все сограждане, и всё же
Наяву при ясном свете дня
Обликом и нравом так не схожи,
Хоть по генам – кровная родня.

Знать, не зря на два тысячелетья
Бог ли, Рок – теперь уж не узнать –
Разметал народ по белу свету,
А потом собрал его опять.

Но едва заката луч прощальный
Смену сдаст владычице ночей,
Как с Востока Ближнего на Дальний
Возвращает вновь меня Морфей.

И опять – в который раз, не знаю –
На родном амурском берегу
Я на жизнь в Израиль уезжаю
И никак уехать не могу.

Ведь давно оформлены бумаги,
Решено, где быть и где не быть –
Тяги не хватает ли, отваги
Рейс тот судьбоносный совершить.

Всякий раз находят причины
Вновь отсрочить на день свой отлёт...
Но гудят и греются турбины,
И на старт выводят самолёт.

И отрадно, поутру вставая,
Вспомнить вновь, очнувшись ото сна,
Что своя – от края и до края –
Велика Земля моя родная,
Всем опора и на всех одна.

9
Это имя с детства грело душу
Обаянем девушки простой –
Выходила на берег Катюша
Предвоенной раннею порой.

А в сороковые-роковые
Имя-песню от невест вдали
Наши боевые рядовые
По фронтам Великой пронесли.

И когда враги уже стояли
В Подмоскowie, в памятный тот год
Неспроста «Катюшею» назвали
Мы гвардейский грозный миномёт.

Посылая стрелы грозовые,
В огнёметном яростном бою
Бились парни за края родные,
За любовь неспетую свою.

Только как могло случиться это,
Но случилось всё же – верь не верь –
Что своя советская ракета
На меня нацелена теперь?!

До чего же были близоруки
Мы порою в выборе друзей,
Раздавая дорогое в руки
Хизбаллам всех видов и мастей.

Знаю, за измену нет прощенья,
И теперь, у жизни на краю,
Принимаю кару как отмщенье
За любовь неверную свою.